

Дан Вэйи умылся и вышел из комнаты, направляясь к тренировочной площадке — снова выступать в роли спарринг-партнера для кронпринца.

С некоторых пор на плацу появился гарнитур из стола и стульев, на котором теперь всегда красовался чайный сервиз. Закончив разминку, они могли присесть, чтобы перевести дух за неспешной беседой.

Изначально наследник искал общества Вэйи лишь ради рукопашных схваток — только так он мог унять изнуряющий синдром тактильного голода. Но постепенно кронпринц поймал себя на мысли, что ему приятно находиться рядом с юношей и без всяких прикосновений. Простая беседа за чашкой чая внезапно оказалась весьма недурным досугом. Впрочем, сам для себя Его Высочество объяснял это тем, что Вэйи — на редкость толковый пес, превосходно знающий, когда нужно вильнуть хвостом, а когда — польстить хозяину.

Заметив за кронпринцем эту слабость, Дан Вэйи с радостью пользовался возможностью побездельничать. Вот и сейчас, закинув ногу на ногу и попивая свежий лимонный чай, он лениво болтал с господином о всяких пустяках.

— Слышал, в твоей семье объявился бастард, — небрежно бросил кронпринц. — И он уже прыгнул выше твоей головы.

Дан Вэйи недовольно насупился:

— Сын наложницы — всего лишь безродный выскочка. Разве прилично сравнивать его со мной?

Наследного принца забавляло, как легко его собеседник теряет самообладание, и он решил подлить масла в огонь:

— Твои родные притащили этого бастарда в дом лишь потому, что ты умудрился разгневать меня. Но теперь я тебя простил. По логике вещей, им следовало бы вернуть ублюдка туда, откуда взяли.

Лицо Вэйи потемнело от злости.

С удовольствием наблюдая за его реакцией, кронпринц продолжил:

— Да только твой братец оказался парнем не промах. Говорят, развернул успешное дело и даже ухитрился втереться в доверие к самому Цзюнь Гэнцзиню. Теперь никто и пикнуть не смеет, что он незаконнорожденный. В обществе его принимают как полноправного молодого господина.

— Ну еще бы, — буркнул Дан Вэйи, ядовито усмехнувшись. — Куда уж мне до вашего везения, Ваше Высочество. Не всем же достается отец, сохранивший лебединую верность покойной

супруге. Вам подобные заботы неведомы.

При этих словах лицо кронпринца мгновенно посуровело. Вэйи прекрасно знал, где проходит опасная черта. Он лишь хотел прощупать почву, и, заметив тень недовольства на лице принца, тут же поспешил отступить.

Сладко потянувшись, он примирительно улыбнулся:

— Раз уж мы заговорили о доме... Ваше Высочество, разрешите мне отлучиться на пару дней. Нужно навестить родных.

Весть о его скором отъезде отозвалась в груди наследника глухим раздражением.

— Зачем это? — недовольно прищурился он.

— Старшие уже вторую неделю шлют мне весточки, — пустился в объяснения Вэйи. — Я и так затянул с визитом, желая во всем угодить Вашему Высочеству. Но если промедлю еще немного, меня обвинят в непочтительности к родителям.

В их мире, пропитанном имперскими традициями, сыновний долг стоял превыше всего. Даже кронпринц не смел пренебрегать им. Будучи во дворце, Его Высочество каждое утро и каждый вечер исправно отправлялся в Зал Средоточия, дабы засвидетельствовать почтение отцу.

Зал Средоточия являл собой исполинский чертог из холодной стали, возведенный из безупречно отполированных балок космического сплава. Даже в самую глухую, непроглядную ночь это величественное сооружение испускало бледное, леденящее сияние, подобное лунному свету.

В этих стенах, кроме самого императора, никогда не бывало ни одной живой души. Государь заявлял, что ратует за строгую экономию и бережет человеческие ресурсы, а потому обходится без прислуги. Но кронпринц знал истинную причину: отец попросту не доверял людям.

Зал Средоточия управлялся совершенным искусственным интеллектом. Обладая феноменальной ментальной силой, император подчинил себе весь этот механический замок. Температура, влажность воздуха и даже плотность металлических перекрытий — абсолютно все подчинялось его воле. Внутри этих стен государь был истинным и единственным божеством.

Даже кронпринц, чей надменный нрав и гордыня за пределами дворца не знали границ, переступая порог Зала Средоточия, превращался в ничтожную букашку. Он послушно падал ничком, прижимаясь лбом к ледяным плитам серебристого пола, и не смел шелохнуться без высочайшего соизволения.

— Встань, — наконец раздавался голос императора, глубокий и ровный, точно удар храмового колокола.

Несмотря на возраст, звучал он на удивление молодо. Благодаря технологиям люди в обитаемом космосе старели крайне медленно. Император сохранил безупречную статью и был красавцем, и лишь виски его отливали чистым серебром.

— Лицо покрыла пыль дорог, виски заиндевели... — порой негромко декламировал владыка древние стихи. — Десять лет меж живыми и мертвыми — бездна без края.

Ходили слухи, что когда-то император был златовласым, но в ночь, когда преставился его супруг, поседел от горя в один миг.

Именно по этой причине ни Дан-гуйфэй, ни любая другая фаворитка, сколь бы влиятельной она ни казалась, никогда не смели перечить молодому наследнику. Ни одной женщине в империи — ни любимицам государя, ни позабытым им наложницам — не позволялось переступить порог Зала Средоточия ради ложа. Ни одна из них так и не понесла от императора. Все они носили титулы благородных супругов лишь для видимости, служа живыми украшениями на дипломатических приемах и представляя правящую династию перед народом.

Несмотря на отменное здоровье и силу, правитель имел лишь одного ребенка. Кронпринц оставался единственным преемником престола исключительно потому, что в его жилах текла кровь покойного императорского супруга. Сяньхуанхоу, будучи мужчиной, разумеется, не мог зачать дитя, да и при жизни влюбленные не задумывались о продолжении рода. Когда же супруг безвременно ушел из жизни, убитый горем император взял образцы ДНК любимого, соединил их со своими и сотворил дитя. Этим ребенком и стал кронпринц.

Люди шептались, что юноша уродился копией усопшего — особенно выдавали сходство фиалковые глаза и редкий лавандовый оттенок волос.

И все же из уст отца чаще всего слетало горькое: «Ты на него не похож». В этих словах сквозило бесконечное разочарование.

Перед лицом властелина грозный и высокомерный кронпринц робел, покорно склоняя голову, словно провинившийся подросток, не оправдавший надежд родителей. С самого рождения отец ни разу не обнял его. Ни единого раза.

Лекари утверждали, что именно этот дефицит родительского тепла и породил синдром тактильного голода. Когда придворный медик озвучил этот диагноз, император лично присутствовал при осмотре. Маленький принц, еще не научившийся прятать свои чувства за маской безразличия, с робкой надеждой воззрелся на отца. Он не смел поднять глаз на лик государя, а потому преданно смотрел на его широкую грудь, облаченную в парадный доспех с золотым шитьем в виде взмывающих ввысь драконов.

Тогда он услышал бесстрастный приговор:

— Ты слишком хрупок... Совсем не похож на него.

Сердце мальчика ухнуло в бездну.

— Я... я исправлюсь, отец... — пролепетал он.

— Это не столь важно, — отрезал правитель. — Мы просто заменим тебе кожу.

И двенадцатилетнего ребенка отправили на жуткую операцию.

Перенеся мучительную процедуру удаления верхних покровов, он получил высокотехнологичную искусственную кожу. Но чуда не произошло: организм начал отторгать чужеродные ткани. Это не только не избавило принца от синдрома тактильного голода, но и ввергло его в пучину невыносимых страданий.

Несчастный одновременно изнывал по живому человеческому теплу и испытывал глубокое отвращение при малейшем прикосновении. Этот непрекращающийся внутренний разлад превратил его жизнь в ад, а поделиться своей болью ему было не с кем. Порой, покорно преклоняя колени перед троном, он всем сердцем молил лишь об одном.

«Пусть он просто погладит меня по голове. Коснется плеча... Хоть раз в жизни, как обычный отец»

Но грезам этим не суждено было сбыться.

Император мог даровать ему безграничную власть, несметные богатства и даже господство над бескрайними звездными системами, но только не любовь. Сердце владыки давно превратилось в лед. Те крохи тепла, что в нем когда-то теплились, угасли навсегда и упокоились вместе с усопшим супругом в Зале Средоточия, сокрытые в Бессмертном гробу феникса.

Тяжелые воспоминания разом лишили кронпринца всякого желания вести праздные разговоры. Настроение испортилось, и он хмуро поставил пиалу на столик. Дан Вэйи сделал то же самое. В это мгновение их пальцы, державшие ручки чашек, случайно соприкоснулись.

Это мимолетное касание мгновенно пробудило дремлющую жажду тепла. Сердце наследника пропустило удар, а затем бешено заколотилось. Во время спаррингов они сталкивались куда теснее, но именно это случайное прикосновение пальцев... отозвалось в груди щемящей, сладостной тревогой.

Грудь сдавило от желания схватить эту ладонь и сжать в своей, но измученное тело сработало

на опережение. Словно испуганный олень, кронпринц резко отпрянул назад, теряя баланс, и стул под ним опасно накренился.

Заметив неладное, Вэйи инстинктивно рванулся вперед, силясь удержать его. Но инерция сделала свое дело: один падал назад, другой падал на него — и в следующее мгновение они, переплетясь руками, с грохотом повалились на пол.

Они распластались на полу, крепко сжимая друг друга в объятиях. Пальцы их переплелись, и по телу принца, точно электрический разряд, разлилось живительное тепло. Взгляд лавандовых глаз дрогнул, и кронпринц в упор уставился на юношу.

Вэйи мгновенно почуял опасность и попытался высвободиться, но наследник резким движением навалился сверху, прижав его к полу тяжелым прессом.

— И куда мы так спешим? — Его фиалковые глаза опасно сощурились, мечта холодные искры.

Он взирал на распластанного под ним юношу сверху вниз, точно хищник, загнавший жертву в угол. Запястья Вэйи оказались намертво прижаты к полу над головой, лишая его всякой возможности защищаться. Ему оставалось лишь бессильно трепыхаться, словно выброшенная на берег рыба. Он во все глаза смотрел на кронпринца, искренне не понимая, с какого перепугу тот воспылал страстью к собственному спарринг-партнеру.

— Ваше Высочество... — дрожащими губами выговорил Вэйи. — Стоит ли вам снисходить до меня? Неужели во дворце мало искусных слуг, готовых ублажить вас?

В этих словах сквозило упрямое нежелание подчиняться. Лицо принца обдало могильным холодом:

— Кого я пожелаю видеть в своей постели, тот там и окажется. И твоего мнения я не спрашивал.

В его голосе зазвучала непреклонная воля монарха.

Будучи в роли покорного старшего молодого господина Дана, Вэйи не смел перечить наследнику открыто, но и становиться покорной игрушкой для утех в его планы не входило. Одно дело — быть верным прихвостнем кронпринца, и совсем другое — превратиться в его комнатного наложника. Пришлось пустить в ход излюбленную уловку:

— Я... Прошу вас, Ваше Высочество, дайте мне время подумать...

Принц презрительно усмехнулся:

— Слишком много чести. Ты упустил свой шанс договориться по-хорошему. Если я решу взять тебя прямо здесь и сейчас, кто мне помешает?

Разумеется, это была лишь угроза — преступать рамки приличий при свете дня он не собирался, однако его ладонь демонстративно скользнула по бедру Вэйи.

Юноша так и подпрыгнул, отчаянно забившись под тяжелым телом:

— Нет! Не надо! Ваше Высочество, пощадите!

Раздраженный этим шумом, кронпринц уже наклонился, намереваясь заткнуть упрямый рот поцелуем, как вдруг Вэйи истошно затараторил:

— Да постойте же вы! На нас великий наставник смотрит! Глаз ведь не сводит, извращенец... Ну и нравы пошли, неужели у него такое странное хобби?!

<http://bllate.org/book/19037/1951363>